

По ущелью р. Бортанга.

(Изъ жизни Орошорскаго наблюдательнаго поста).

Орошоръ, въ которомъ мнѣ вмѣстѣ съ охотничьей командой суждено было пробывать на посту 3 мѣсяца и испытать всевозможныя неудобства и лишеныя свойственныя суровому и гористому Рошану (сѣверная часть Памирскаго нагорья) представляетъ собой небольшое селеніе въ 40—50 саклей, расположенное въ 5 верстахъ отъ рѣки Бортанга на высотѣ 8—9 тысячъ футовъ у подножія 2 хъ величественныхъ и грандіозныхъ пиковъ: Ванновскаго и Обручева.

Присутствіе этихъ громадинъ, состоящихъ изъ массъ гранита и покрытыхъ вѣчными льдами и снѣгомъ, даетъ себя чувствовать бѣдному кишлаку сдавленному со всѣхъ сторонъ ихъ отрогами и скалами. Частенько, особенно въ пору таянія снѣговъ въ маѣ и іюнѣ, съ вершинъ пиковъ раздается звукъ пушечнаго выстрѣла, это трескается тающій ледъ и на Орошоръ летятъ цѣлыя глыбы камней и масса мелкаго щебня и песку. Еще задолго до заката благодатные и живительные лучи солнца, которые могли бы дольше обогрѣть небольшія поля ячменя и пшеницы, обработанныя съ такимъ большимъ трудомъ, поневолѣ должны меркнуть и на два часа ранѣе погружать всю окружающую Орошоръ мѣстность въ холодный сумракъ, встрѣчая на своемъ пути отвѣсныя и непроницаемыя для свѣта стѣны гранита и торчащія на высотѣ 18—20 тысячъ футовъ отроги 2 хъ пиковъ, расположенныхъ на западѣ.

Единственная польза для Орошора отъ этихъ исполиновъ, покрытыхъ сплошною массою льда и снѣга, заключается въ обиліи воды, но этотъ излишекъ ея начинается только въ половинѣ мая, когда заботливый горецъ-таджикъ уже вездѣ окончилъ свои полевые работы; вода нужна была ему въ мартѣ, а теперь въ маѣ для его полей необходимо солнце, а его то и недостаточно; благодаря этому пшеница и ячмень часто не успѣваютъ созрѣть до августа, а тамъ опять начинаются холода и всѣ труды горца-земледѣльца пропадаютъ даромъ.

Вся площадь, на которой расположенъ Орошоръ, покрыта большими камнями и плитами аспида и гранита, кое-гдѣ разбросанныхъ скалъ, растительности, кромѣ зеленѣющихъ полей и травъ въ видѣ узенькихъ лентъ по берегамъ арыковъ, составляющихъ искусственное развѣ-

твление горныхъ потоковъ—почти никакой. Орошорцы пробовали развести сады, но ничего не выходило. Ранніе холода, недостатокъ живительныхъ лучей солнца и значительная высота площадки губили молодыя посадки. Во всемъ кишлакѣ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣли 5 тополей, но и тѣ начинаютъ засыхать, зато въ глубинѣ ущелій на двѣ тысячи футовъ ниже Орошора можно встрѣтить повсюду разнообразную и обильную растительность.

Изъ четырехъ ущелій Орошора, круто спускающихся къ рѣкѣ Бортангу, по дну которыхъ съ шумомъ и ревомъ бѣгутъ горные потоки, наиболее значительны два: Язгулемъ къ востоку отъ Орошора съ отвѣсными береговыми утесами и къ западу Явшоръ, который пройдя по довольно широкому оврагу и встрѣтивъ на пути отвѣсную скалу и груды нагроможденныхъ камней, образуетъ красивый водопадъ.

Оба эти потока питаются ледниками пиковъ Ванновскаго и Обручева и берутъ начало на значительной высотѣ; проносясь съ шумомъ и ревомъ и сворачивая на пути большіе камни и вырывая съ корнями вѣковые деревья арчи или березы, они впадаютъ въ Бортангъ, окрашивая его и безъ того уже мутныя воды, то краснымъ, то желтымъ колеромъ своихъ грязныхъ и пѣнящихся водъ.

Кое-гдѣ, по скаламъ въ глубокихъ ущельяхъ Орошора, именно на той высотѣ, гдѣ снѣгъ въ глубокихъ впадинахъ и трещинахъ скалъ долго не таетъ, попадаетъ арча, довольно рѣдкая здѣсь гостья, обвивая своими цѣпкими и корявыми корнями выступы мрамора или гранита, арча гордо и красиво выдѣляется на чистой лазури неба, внизу же изъ подъ ея корней и низко раскинутыхъ вѣтвей отъ постепенно тающего снѣга, выбѣгаютъ веселыя и чистыя, какъ хрусталь, струйки воды, иногда образующія небольшое горное озерцо. Нѣсколько ниже попадаетъ рябина, береза и дикая яблоня, наконецъ, еще ниже идутъ кусты барбариса, шиповника и облѣпихи, которые образуютъ такіе густыя и непроходимыя чащи и своды, что нельзя бываетъ подчасъ и пройти безъ помощи топора.

Нерѣдко между этими кустарниками дикимъ горнымъ потокомъ наносятся цѣлыя груды валежника и камней, и это вмѣстѣ съ наноснымъ иломъ образуетъ небольшіе островки и площадки, вполне годные для обработки полей, чѣмъ нерѣдко и пользуются мѣстные жители горцы, засѣвая то тамъ, то сямъ небольшія простран-

ства плодородной земли ячменемъ, пшеницей, а иногда и клеверомъ.

Для охотника или путешественника такія заросли и отдаленные отъ селеній уголки ущелій представляютъ истинное наслажденіе и полнѣйшій привольный отдыхъ послѣ утомительнаго и однообразнаго перехода по голымъ скаламъ и острымъ камнямъ ущелій Рошана. Здѣсь всегда можно встрѣтить много различной дичи; между трещинами скалъ въ кучѣ камней мрамора или гранита, поросшихъ и покрытыхъ сплошь ягоднымъ хвойникомъ или кустами шиповника и герпика, постоянно шныряютъ стада горныхъ куропатокъ или ударовъ, ихъ вниманіе привлекаетъ ярко красныя и синія грозди ягодъ, красиво выдѣляющихся на темной зелени дико растущихъ горныхъ растеній; то тамъ, то сямъ раздается ихъ пискотня. На ярко зеленыхъ площадкахъ, покрытыхъ свѣжимъ мохомъ, прыгаютъ зайцы; здѣсь же можно натолкнуться на волка или на лисицу, норы которыхъ попадаются то и дѣло. Нѣсколько выше, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ущелье суживается, по совершенно отвѣснымъ скаламъ и по узкимъ высокимъ карнизамъ спускаются тропы кіисовъ (горныхъ козловъ) и архаровъ (горныхъ барановъ), которые любятъ спускаться въ такія укромныя мѣстечки ради сочнаго моха и чистой студеной родниковой воды, часто натываясь на сѣраго медвѣдя, живущаго въ длинныхъ пещерахъ около родника.

Всѣ дороги и пути, ведущіе въ Орошоръ отличаются дикостью и большою недоступностью; путь верхомъ, не говоря уже объ экипажѣ или арбѣ, не вездѣ возможенъ.

Чтобы добраться до Орошора со стороны хотя-бы Ташъ-кургана, ближайшаго кишлака въ 12 верстахъ по знаменитой своей отчаянностью по лѣтописямъ всего Памира Кударинской дорогѣ, всадникъ на лошади или съ лошадыю, долженъ выдѣлывать всевозможные фокусы, ежеминутно рискуя, при малѣйшей неосторожности, сорваться въ пропасть или разбиться объ острые края выступовъ скалъ изъ постепенно вывѣтривающихся породъ сланца или гранита. Здѣсь на крутыхъ подъемахъ перевала, часто практикуется такой способъ: слѣзаешь съ лошади, пускаешь ее впередъ а самъ идешь сзади, крѣпко держась за хвостъ. Умное животное осторожно, шагъ за шагомъ поднимается на высоту, а вмѣстѣ съ тѣмъ вытаскиваетъ и всадника. Бояться того, что она можетъ лягнуть не нужно: животное хорошо чувствуетъ опасность положенія, да кромѣ

того, вся тяжесть и точка ея опоры лежитъ въ этотъ моментъ на заднихъ ногахъ лошади. Гдѣ только встрѣтится небольшая площадка или малѣйшій выступъ скалы, тамъ лошадь и всадникъ отдыхаютъ и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока подъемъ не кончится.

Иногда по дорогѣ на подъемахъ встрѣчаются ступени, нарочно высѣченныя въ скалѣ, или сложенныя изъ отдѣльныхъ плитъ камней предусмотрительнымъ орошорцемъ. Здѣсь уже всаднику приходится самому идти впередъ и насильно втаскивать лошадь на длинномъ поводѣ. Въ дождливую и холодную пору года такія мѣста очень опасны: лошадь легко можетъ поскользнуться на шаткихъ и скользкихъ ступеняхъ, сложенныхъ кое-какъ и силою всей тяжести при паденіи потащить за собою всадника; хорошо, если онъ при этомъ догадается во время отпустить поводъ. По дорогѣ часто попадаются трещины, иногда довольно глубокія и широкія; тутъ уже нужна вся смѣлость и рѣшимость хорошаго гимнаста или наѣздника, чтобы удачно и счастливо преодолѣть подобныя препятствія. Частенько бываетъ, особенно къ вечеру, что лошадь, оступившись, ломаетъ ноги, а всадникъ, слетѣвъ съ нея при неудачномъ скачкѣ, награждается ушибомъ. Лучше, конечно, обходить подобныя мѣста, сдѣлавъ лишній крюкъ, но не всегда къ сожалѣнію, бываетъ возможно: встрѣчаются такія узкія мѣста, что можно двигаться только впередъ и назадъ, а направо или налево высятся громады отвѣсныхъ скалъ, какъ стѣны неприступнаго замка и преграждаютъ всякую попытку свернуть въ стороны. Волей-неволей рѣшаешься на смѣлый скачекъ, а иногда, боясь рисковать жизнью, начинаешь устраивать небольшой помостъ, благо есть подъ рукою сухой валежникъ и готовыя плиты аспида, щедро разбросанныя повсюду не совсѣмъ щедрой здѣсь природы. Случается, что дорога идетъ узенькою тропою по откосу въ 50—60 градусовъ, состоящему ихъ розсыпей мелкихъ галекъ или острыхъ тонкихъ чешуей щебня; вся эта масса еле держится на протоптанной колѣѣ и чуть немного зазѣввался, ступилъ въ сторону, какъ начинаешь вмѣстѣ съ лошадью сползать внизъ, таща за собою цѣлую кучу камней и песку, что продолжается до тѣхъ поръ, пока не наткнешься на какую нибудь отдѣльно торчавшую скалу или группу деревьевъ. При спускахъ бываетъ еще труднѣе и опаснѣе. Хорошо если горная тропа идетъ короткими зигзагами и на пути попадаютъ площадки, гдѣ можно передохнуть и которыя

могутъ служить опорой, если пришлось случайно сорваться во время спуска; но иногда онъ идетъ по совершенно прямому наклону или по страшной крутой отсыпи; бѣдная лошадь, выбившись изъ силъ, садится на заднія ноги и въ такомъ положеніи летитъ стремглавъ внизъ, а за нею и всадникъ, увлекаемая за собою цѣлый потокъ камней и мелкаго щебня; безъ ушибовъ и царапинъ тутъ уже, разумѣется, не обойдется; но иногда бываетъ и еще хуже, всадникъ и лошадь сорвавшись со страшной вышины падаютъ въ пропасть или со всего размаха разбиваются объ острые края выступающихъ скалъ.

Двигаясь по высокому карнизу часто натыкаешься на ворота, образовавшіяся случайнымъ паденіемъ большихъ осколковъ и глыбъ камня вывѣтривающихся горныхъ породъ; часто бываетъ, что такая крыша или навѣсъ еле держится только однимъ краемъ, а другой виситъ въ пространствѣ, дорога же, какъ на грѣхъ, все больше и больше суживается и приближаясь къ такому опасному мѣсту, чувствуешь невольный ужасъ, что вотъ этотъ навѣсъ обломится и всей своей тяжестью придавитъ тебя, какъ муху.

Недаромъ, рошанецъ, какъ мнѣ приходилось неоднократно замѣчать, съ какимъ то почтительнымъ уваженіемъ и суевѣріемъ относится къ окружающимъ дикимъ скаламъ, иногда какой нибудь камень особенной оригинальной формы или большая плита, придавившая кого-нибудь при обвалѣ и поэтому испещренная вся разнообразными надписями, заставляетъ его останавливаться и произносить краткую молитву,—можетъ быть за погибшаго товарища и за цѣлость своей собственной шкуры.

То и дѣло, по дорогѣ на перекресткахъ и на самыхъ видныхъ мѣстахъ, попадаются искусно сложенные изъ квадратныхъ плитъ, въ видѣ вышекъ, гробницы или мазарки, имѣющія здѣсь форму призмы или квадрата вышиною въ 2 или 3 сажени, а съ боку ихъ на высотѣ груди обыкновенно устраиваются ниши, гдѣ набожный рошанецъ въ знакъ памяти святаго или просто погибшаго сжигаетъ, за неимѣніемъ сальныхъ свѣчъ, самодѣльные свѣтильники, приготовленные изъ льянаго масла или сала; на верху такихъ гробницъ нерѣдко можно встрѣтить груды наваленныхъ въ беспорядкѣ роговъ дикаго барана.

Въ 5—6 верстахъ отъ Ташъ-кургана по Кудринской дорогѣ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ въ Мургабѣ, составляющій продолженіе Акъ-Су, впадаетъ обильный водами Тапымасъ, перемѣшивающій

свои грязныя и глинистыя воды со свѣтлыми струями зеленой ледниковой воды Мургаба; этотъ послѣдній мѣняетъ свое названіе на Бортанга и все ущелье, начиная отъ Ташъ-Кургана до впаденія Бортанга въ Пянджъ около Кала и Вамара носить названіе Бортангскаго.

Вообще на Памирѣ нерѣдко одна и таже рѣка начинается отъ верховья и до устья мѣняетъ нѣсколько разъ свое названіе.

Здѣсь около Ташъ-Кургана, Бортангъ, встрѣчая на своемъ пути отвѣсныя скалы, все болѣе и болѣе съ уживающія ущелье, начинаетъ глубоко зарываться въ свое каменистое ложе; мѣстами извиваясь, какъ змѣя, встрѣчая на пути своемъ твердыни гранита, онъ со страшнымъ грохотомъ сворачиваетъ на пути большія глыбы камня и несетъ свои пѣнистыя и мутныя воды со скоростью 8—9 футовъ въ секунду. При такихъ условіяхъ, особенно во время полного таянія снѣговъ, когда со всѣхъ сторонъ изъ примыкающихъ къ Бортангу ущелій сбѣгаетъ вода въ видѣ каскадовъ и водопадовъ, переправа даже на турсукахъ вплавь, не говоря уже о бродѣ, становится чрезвычайно опасной, особенно въ самыхъ узкихъ мѣстахъ р. Бортанга.

Далѣе Ташъ-Кургана по Кударинской дорогѣ, сплошь усѣянной валунами и острыми осколками камней, идетъ послѣдній кишлакъ Кара-Курганъ, въ которомъ уже кончается осѣдлая жизнь таджика-горца; здѣсь суровая природа побѣждаетъ человѣка и дальнѣйшая культура полей дѣлается въ силу недостатка годной земли и массы камня совершенно невозможной и всѣ труды земледѣльца остаются безплодными.

Чѣмъ дальше къ сѣверо-востоку отъ Кара-курмана, тѣмъ рѣже попадаютъ лѣтовки и аулы киргизовъ и такъ идетъ далѣе до Кара-куля и Музкола, гдѣ сильные холода, постоянныя снѣжныя мятели или дожди, а затѣмъ масса нетающего круглый годъ льда и снѣга, и слѣдовательно отсутствіе корма для скота, дѣлаютъ жизнь даже для неприхотливаго памирскаго скитальца киргиза мало удобной и привлекательной!

Несмотря на всю суровость и дикость горной природы, всю трудность дорогъ и переправъ Бортангскаго ущелья, отдѣляющихъ его отъ остальнаго міра, трудолюбивое и бѣдное населеніе его, состоящее изъ горцевъ таджиковъ, постоянно и спѣшно ведетъ тутъ съ природою борьбу за существованіе и повсюду по Бортангу встрѣчаются слѣды, хотя и самой первобытной, по все культуры.

Довольствуясь очень малымъ и частенько встрѣчая нужду въ самомъ необходимомъ, а иногда неудовлетворяя даже насущной потребности въ хлѣбѣ, рошанецъ не унываетъ и терпѣливо переноситъ всѣ невзгоды; то тамъ то сямъ по скатамъ и ложбинамъ раздаются его веселыя дѣсны. Всякаго рѣдкаго гостя въ своихъ родныхъ ущельяхъ онъ встрѣчаетъ радушно, предлагая свои услуги при трудностяхъ дороги или переправъ и угощаетъ часто послѣднимъ кускомъ хлѣба. Типичный видъ жилища и вообще всѣхъ построекъ, которые встрѣчаются по ущельямъ р. Бортанга составляетъ небольшая сакля, довольны искусно сложенная изъ плитъ известнякъ или сланца и тщательно обмазанная внутри глиною; наверху на потолкѣ четырехугольное отверстіе для выхода дыма и для свѣта, направо отъ двери устроены очагъ, отъ котораго по бокамъ идутъ нары, гдѣ помѣщается хозяинъ и его семья, а въ задней сторонѣ сакли зимою скотъ; потомъ около двери устроены маленькіе чуланчики для мелкаго скота и разныхъ запасовъ.

Запахъ навоза и ѣдкій дымъ отъ колючки барбариса и терескента, чѣмъ обыкновенно отапливается сырая и закоптѣлая сакля, недостатокъ чистаго воздуха и свѣта, присутствіе насѣкомыхъ, вотъ удобства здѣшнихъ жилищъ; неприхотливый горецъ, зимою, когда всѣ ущелья и вершины горъ заноситъ глубокимъ снѣгомъ и начинаются мятели и бури, вполне доволенъ своимъ жильемъ. Завалившись какъ сурокъ, онъ рѣдко выглядываетъ изъ своей сакли, да ему и незачѣмъ, все у него уже заготовлено, какъ для себя, такъ и для скота.

Весною вся семья дѣятельно принимается за полевые работы. Много труда и хлопотъ требуетъ каменистая и неблагодарная почва, нужно обильно унавозить и оросить ее и во время засѣять, чтобы получить что-нибудь. Въ концѣ мая въ ложбинахъ горъ начинаетъ показываться свѣжая трава, тогда всѣ женщины и дѣти со стадами барановъ и козъ отправляются на джильяу (пастбища), взбираясь и карабкаясь вмѣстѣ со скотиной на самыя неприступныя выси; мужчины же остаются дома, наблюдаютъ за полями и хозяйствомъ. Весь уходъ за скотомъ возлагается здѣсь, какъ и у киргизъ на женщинъ, мужчины же занимаются полевыми работами, ткутъ грубыя ткани изъ шерсти, обрабатываютъ кожу и занимаются охотой. Здѣсь каждый самъ для себя изготовляетъ все необходимое для домашняго обихода.

Костюмъ, какъ мужчинъ такъ и женщинъ одинаковъ за малыми лишь исключеніями; длинная доходящая до колѣнъ шерстяная рубаха (ягта), широкія шаровары (тамбонъ), на головѣ у мужчинъ войлочная шапка, а у женщинъ платокъ, на ногахъ толстые длинные чулки, на которые надѣты ичиги (сапоги безъ каблуковъ), перевязанные около ступни тесьмой, чтобы не спадали; верхняя одежда весною и лѣтомъ—сѣрый или темный шерстяной халатъ (челимъ), а зимою овчинная шуба. Вотъ и весь нарядъ горца и его жены, дѣти же ходятъ въ какихъ-то лохмотьяхъ, и вообще объ ихъ туалетѣ никакихъ особыхъ заботъ не полагается. Общій типъ, какъ мужчинъ такъ и женщинъ довольно красивый, но недостатокъ и скудость питанія, суровость и сырость горнаго климата накладываютъ на лицо горца какой-то сѣрый отпечатокъ и дѣлаютъ его худощавымъ, отъ ѣдкаго дыма очага и отъ ослѣпительно-яркаго блеска льда и снѣга на вершинахъ горъ сверкающихъ на солнцѣ, у многихъ болятъ гноятся глаза; ревматизмъ и лихорадка во всѣхъ своихъ видахъ и проявленіяхъ съ недостаткомъ надлежащей врачебной помощи постоянно свирѣпствуютъ среди населенія и безпощадно уносятъ много жертвъ, но оно уже давно привыкло къ этому неизбѣжному въ горахъ бичу и относится вполне равнодушно и хладнокровно.

Самое страшное зло для населенія р Бортанга состоитъ въ голодовкахъ, періодически повторяющихся изъ года въ годъ, почти каждую весну т. е. именно тогда, когда у горца за продолжительную зиму истощаются всѣ небольшія запасы хлѣба и ячменя, и всѣ это время до слѣдующаго урожая онъ бьется, какъ рыба объ ледъ, чтобы какъ нибудь просуществовать и прокормить свою голодную семью.

Вслѣдствіе такихъ условій, здѣсь выработался довольно оригинальный товарищескій дѣлежъ хлѣба: если у кого нибудь въ кишлакѣ остался излишекъ муки или ячменя, къ нему каждый день приходятъ съ чашками за мукой женщины и дѣти голодающихъ, и онъ дѣлится до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ у него всего запаса, потомъ уже онъ самъ и его семья объѣдаютъ другого, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока во всемъ кишлакѣ не остается ни муки ни ячменя; тогда начинается уже полнѣйшій голодъ. Голодный таджикъ начинаетъ ѣсть траву, кожу, кору березъ лишь бы какъ нибудь и чѣмъ нибудь наполнить свой пустой желудокъ и тѣмъ заглушить болѣзненные приступы голода.

Такой голодъ захватилъ я въ Орошорѣ когда прибылъ туда въ началѣ марта 1895 г. Весь запасъ муки и крупы, какой только у меня былъ на посту, я роздалъ голодающему населенію, оставивъ себѣ только самое необходимое, такъ какъ транспортъ съ провіантомъ отъ Памирскаго поста ожидался только черезъ 2 мѣсяца. Но моя временная помощь голодающему населенію Орошора была каплею въ морѣ; начался опять голодъ, а съ нимъ неизбежное воровство и смертность среди выбившагося изъ силъ населенія Орошора.

Пришлось выбрать надежныхъ людей и послать за хлѣбомъ и крупю на Памирскій постъ; когда черезъ три недѣли прибылъ транспортъ съ мукою и крупю, отъ голода и истощенія успѣло умереть $\frac{1}{3}$ кишлака, а остальная часть была спасена. Чтобы не обижать Орошорцевъ въ голодное и тяжелое для нихъ время года, за скотомъ для моего поста я посылалъ джигитовъ за 100 верстъ въ аулы къ киргизамъ; всѣхъ лошадей какъ своихъ такъ и джигитскихъ посылалъ на полизъ за 40 верстъ отъ Орошара, гдѣ раньше весною бываетъ подножный кормъ. За всѣ труды какъ то: за доставку дровъ и соломы платилъ изъ аванса даннаго мнѣ на расходы, но наши деньги за отсутствіемъ торговли и надлежащаго обмѣна не имѣютъ никакого значенія для бѣднаго и голоднаго горца, дайте ему 1 руб. или 5 руб., ему все равно некупа дѣвать ихъ. Какой нибудь клочекъ ситца или даже маты для него имѣютъ большую цѣну и большое значеніе. Поэтому я въ послѣдствіи такъ и дѣлалъ, за всѣ работы и труды платилъ матію, ситцемъ и другими предметами необходимыми для хозяйства таджика горца. Здѣсь повсюду ощущается недостатокъ соли, обѣ чаѣ, сахарѣ, мылѣ и другихъ предметахъ и самыхъ простыхъ здѣсь не имѣютъ никакого понятія.

Вся пища горца состоитъ изъ горячей лепешки, которую онъ ѣстъ, обмакивая въ масло или молоко, «аталы» (родъ подболки изъ муки) и поджареннаго ячменя, который здѣсь рождается безъ шелухи и напоминаетъ гималайское жито, да изрѣдка вареная баранина. Женщины согласно обычаю мяса никогда не ѣдятъ; лакомствомъ для дѣтей и женщинъ или достарханомъ для гостя служатъ сушенныя ягоды тута и урюкъ, перемѣшанныя съ варенымъ горохомъ, вотъ и вся немудрая пища таджика горца.

Всѣ жители Бортанга говорятъ особымъ нарѣчіемъ, въ которомъ входитъ много таджикскихъ и персидскихъ словъ, отличаясь благо-

звучіемъ и мягкостью, это нарѣчіе очень пріятное для слуха, напоминаетъ въ общихъ чертахъ по количеству носовыхъ звуковъ французскій языкъ.

По своему характеру рошанцы очень смирное и добродушное населеніе, но частыя столкновенія съ разбойничьими шайками афганцевъ дѣлаютъ его пугливымъ и недовѣрчивымъ и сильно портятъ простыя и добрыя нравы горцевъ. Многоженства между горцами, какъ приходилось наблюдать, не существуетъ, и женщина здѣсь пользуется такимъ же положеніемъ и свободою, какъ и у киргизъ. Раздѣляя съ мужчиною всѣ труды и лишенія, она служитъ ему вѣрнымъ и надежнымъ товарищемъ въ минуту горя и несчастій. Выходя рано замужъ, каждая дѣвушка приноситъ въ домъ будущаго мужа все хозяйство, состоящее изъ рабочаго скота, барановъ, козъ и всей домашней утвари. Обязанность же мужа заключается въ пріисканіи мѣста, годнаго для земледѣлія и въ устройствѣ сакли для жилья.

Чѣмъ дольше я жилъ въ Орошорѣ, тѣмъ болѣе мнѣ нравилось это добродушное и симпатичное населеніе, вполне привыкшее ко мнѣ и къ моей командѣ.

Но, наконецъ, получивъ предписаніе отъ начальника Памирскаго отряда, я долженъ былъ разстаться и передвинуть свой наблюдательный постъ далѣе къ юго-западу отъ Орошора въ Кала-и-Вамаръ внизъ по Бортангскому ущелью. Путь на протяженіи 125-130 верстъ по самымъ труднымъ и тяжелымъ дорогамъ Рошана предстоялъ мнѣ не легкій, да притомъ нужно было его совершить въ концѣ мая, когда по всѣмъ сторонамъ и угламъ Бортангскаго ущелья началось полное таяніе снѣговъ и вода съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе прибывала. Изъ разспросовъ джигитовъ и мѣстныхъ жителей я узналъ, что передвиженіе на лошадяхъ и перевозка вьюковъ вслѣдствіе большого разлитія горныхъ потоковъ, крутизны карнизовъ и трудности переваловъ не вездѣ возможно, поэтому я рѣшилъ нанять 50 носильщиковъ изъ горцевъ, и распредѣливъ между ними весь провіантъ и вещи поста по 2½ пуда на cadaго носильщика, я вмѣстѣ съ командою, состоявшей изъ 12 чело-вѣкъ нижнихъ чиновъ и 2-хъ джигитовъ, 21 мая двинулся пѣшкомъ по направленію къ Кала-и-Вамару внизъ по теченію рѣки Бортанга. Я и мои люди надѣли на двойныя шерстяныя чулки ичиги на тонкой подошвѣ. Подобная обувь, заимствованная мною у горцевъ таджиковъ, оказа-

лась очень удобная для горъ, въ нихъ нога основательнѣе и устойчивѣе опирается на шаткіе камни и менѣе скользятъ, нужно только европейцу, привыкшему ходить на каблукахъ, привычить себя ступать болѣе на носокъ, да кромѣ того эта обувь удобна для скорой починки; двойные и длинные чулки изъ козьяго пуха и шерсти прекрасно спасаютъ ноги отъ ревматизма неизбежнаго здѣсь спутника холодныхъ скалъ и сырыхъ ущелій.

Выйдя изъ Орошора въ 5 часовъ утра 21 мая, весь мой отрядъ, состоящій изъ 12 человекъ охотничьей команды, 2-хъ джигитовъ и 50 носильщиковъ горцевъ съ 4-мя лошадьми и однимъ быкомъ, взятымъ мною для продовольствія команды, мы безъ особаго труда достигли конца окраины Орошора, пройдя верстъ 8 по довольно ровной долины, изрѣзанной кое-гдѣ небольшими и неглубокими оврагами. Тутъ въ концѣ орошорской окраины уже начался отчаянный спускъ и если бы не помощь со стороны орошорскихъ жителей, провожавшихъ нашъ отрядъ, я бы, пожалуй, не спустилъ бы благополучно свой отрядъ. Представьте себѣ грандіозный и совершенно отвѣсный обрывъ около двухъ тысячъ футовъ высоты, по которому до самаго дна ущелья Бор-танга, лежащаго на высотѣ 6—7 тысячъ футовъ, круто спускается и вьется винтомъ въ видѣ лѣстницы дикая горная тропа, по которой едва можетъ пройти лошадь; мѣстами эта дорожка, приближаясь къ краю пропасти на аршинъ или на два обрывается, встрѣчая на пути поперечныя трещины и складки скалъ, черезъ которыя съ одного выступа на другой, а иногда и безъ этихъ точекъ опоры, перекинуты висячіе и очень шаткіе мостики; очень часто они лишь кое-какъ прикрѣплены къ отвѣсной стѣнѣ обрыва съ помощью вицъ, жердей и кольевъ, на которые наложена легкая настилка изъ хвороста; потомъ въ другихъ мѣстахъ и на самыхъ крутыхъ спускахъ дорожка заканчивается ступенями, нарочно высѣченными въ скалѣ или кое-какъ наскоро сложенными изъ готовыхъ плитъ или глыбъ камня, валяющихся здѣсь повсюду. Когда идешь по такому мостику, то чувствуешь невольный ужасъ и боязнь за свою жизнь; мостъ подъ ногами трещитъ и дрожитъ. Посмотришь внизъ—подъ ногами страшная пропасть, а въ ней торчатъ, какъ штыки, острые выступы и края отвѣсныхъ утесовъ. Нужны крѣпкіе нервы, вся смѣлость и рѣшительность привычнаго горца, чтобы съ успѣхомъ и вполне свободно ходить по такимъ мѣстамъ. Когда мы подошли къ спу-

ску, я рѣшился идти съ двумя джигитами первый; съ большимъ трудомъ, гдѣ ползкомъ, гдѣ въ сидячемъ положеніи, я спустился внизъ на 20 сажень, здѣсь уже наткнувшись на висячій мостъ, который я не могъ сначала съ непривычки пройти, у меня сдѣлалось головокруженіе; передохнувъ минутъ десять и крѣпко держась за поясъ впереди идущаго джигита и сзади меня— другого, поддерживающаго меня за руку, съ большими усиліями я преодолѣлъ два первыхъ моста, потомъ уже нѣсколько освоясь, сталъ спускаться смѣлѣе и безъ всякой посторонней помощи преодолѣлъ еще шесть препятствій, наконецъ, едва передвигая ноги отъ усталости, я достигъ дна ущелья, гдѣ уже свободно могъ передохнуть и оправиться послѣ столь утомительнаго и головоломнаго спуска. Вслѣдъ за мною стала спускаться моя команда; всѣ спустились благополучно, за исключеніемъ двоихъ, съ которыми какъ и со мною, сдѣлалось дурно.

Всего труднѣе было спускать лошадей; на каждую лошадь приходилось назначать по шести человѣкъ, которые съ помощью волосяныхъ аркановъ съ большими усиліями втаскивали лошадей черезъ узкія мѣста. Около конца спуска одна изъ моихъ лошадей сорвалась, посыпались камни и я думалъ, что все уже кончено, но ловкіе горцы успѣли какъ то во время подхватить ее и бѣдное животное было спасено. Что же касается быка, то онъ, какъ привычное животное къ горамъ, прошелъ спускъ свободнѣе и ловчѣе лошадей.

Отдохнувъ у горнаго потока послѣ спуска, который продолжался почти 3 часа, мы начали переплавлять лошадей на лѣвый берегъ р. Бортанга, потому что конный путь по правому берегу, благодаря крутизнѣ скалъ и дорогъ по отвѣснымъ карнизамъ прекращался. Переправа лошадей, благодаря широкому изгибу, образуемому тутъ Бортангомъ, совершилась благополучно, хотя всетаки пришлось снимать сѣдла и переправлять лошадей вплавь. Потомъ часть отряда моего пошла съ лошадьми по лѣвому берегу, а я со своей командою началъ карабкаться по карнизамъ праваго берега. Недоходя двухъ верстъ до горнаго потока Нишуза, мы наткнулись на балконы, по которымъ дай Богъ, никогда никому не ходить! Вообразите себѣ совершенно отвѣсныя скалы, какъ стѣны неприступнаго замка, а вдоль ихъ и на высотѣ 50—70 сажень тянутся длинныя жерди, положенныя на колья, вбитые въ ничтожныя трещины скалъ или привязанныя съ помощью виць (родъ вере-

векъ и гибкихъ вѣтвей) къ выступамъ утесовъ; сверху жердей наложена легкая настилка изъ хвороста или камыша; вся ширина такого балкона не болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина и безъ всякихъ перилъ; скрѣпленіе балконовъ очень ненадежно, мѣстами связки высохли и еле держатся на ниточкѣ.

Съ большимъ трудомъ и усиліями, шагъ за шагомъ съ помощью волосяныхъ аркановъ и крѣпко держась другъ за друга преодолевали мы эти балконы.

Со мною и многими нижними чинами команды нѣсколько разъ повторялись головокруженія и мы рисковали на каждомъ шагу потерять свою жизнь, но услужливые орошоры всегда успѣвали во время подавать намъ помощь. Кое-какъ, усталые и оборванные, мы добрались до урочища Венцакъ, гдѣ балконы, тянувшіеся на протяженіи 5—6 верстъ наконецъ закончились, дорога пошла по узенькой площадкѣ берега. Вода въ Бортангѣ все больше и больше прибывала, волны его съ яростью отрывали отъ берега цѣлыя глыбы земли, поросшей кустарниками и травою, мѣстами задѣвали дорогу и разрушали ее, оставляя для пути только отвѣсные утесы и скалы; намъ часто приходилось за неимѣніемъ другого пути спускаться въ холодныя воды Бортанга или переплываться на спинахъ горцевъ таджиковъ. Такимъ образомъ все время идя по берегу мы добрались до горнаго потока Вадим-рава. Здѣсь опять началась переправа нашихъ лошадей съ лѣваго берега на правый: мы не взяли изъ Орошора турсуковъ и переправа для насъ была очень затруднительна. Въ этомъ мѣстѣ, около р. Вадинъ рава, Бортангъ съуживаясь круто поворачиваетъ съ запада на югъ и весь фокусъ переправы здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы направить лошадей на среднее теченіе (тальвегъ) Бортанга, который и выбросить лошадь на противоположный берегъ, но не всегда это бываетъ такъ удачно; обыкновенно лошадь не попавшую въ тальвегъ сильно крутитъ въ поботыхъ водоворотахъ и она совершенно выбившись изъ силъ, захлебывается и начинаетъ тонуть. Тутъ, какъ мы не бились за неимѣніемъ турсуковъ пришлось во время переправы одну изъ лошадей потерять. Бѣдное животное не выдержало напора воды и утонуло. Напившись чаю около Вадимъ-рава и отдохнувъ, мы двинулись далѣе. Дорога стала лучше, все время она шла по насыпи праваго берега рѣки и здѣсь можно было даже вполне свободно ѣхать на лошадяхъ.

Къ 8-ми часамъ вечера переваливъ довольно пологій хребетъ Саидалъ, мы спустились въ селеніе Чадунъ, расположенное на узкой продолговатой площадкѣ у подошвы скалъ Сандальскаго спуска.

Чадутъ — небольшое селеніе, ближе къ скаламъ ютятся его маленькія сакли, скрытыя тѣнистыми деревьями урюка и чинара, а далѣе вдоль берега узкою полосью тянутся поля пшеницы и ячменя. и, какъ разъ на срединѣ кишлака находится мостъ черезъ Бортанъ, очень шаткій и ненадежный, приспособленный только для пѣшехода, но не для лошадей; съ одного берега на другой перекинуты по двѣ длиннѣхъ толстыхъ жердей, на срединѣ моста у вершинъ эти жерди связаны съ другими двумя жердями, но ни въ срединѣ ни по бокамъ моста никакихъ устоевъ нѣтъ, вслѣдствіе чего мостъ, когда подходитъ къ срединѣ его сильно качается.

Жители Чадута радушно насъ встрѣтили и накормили, потому что весь мой обозъ, состоящій изъ носильщиковъ горцевъ, совершенно выбившихся изъ силъ, пришелъ только въ 12 часовъ ночи и безъ своей кухни я не зналъ-бы, что и дѣлать съ голодными и уставшими людьми команды. На другой день рано утромъ мы благополучно переправивъ лошадей съ помощію турсуковъ и пройдя верстъ семь по крутому откосу лѣваго берега Бортанга, спустились къ Баситу, гдѣ я рѣшился дать людямъ своимъ дневку, чтобы оправится и новыми силами двинуться въ дальнѣйшій путь.

И . И в а н о в ъ .